

ГАЗЕТА «КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА»

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

Александр ЗАПЕСОЦКИЙ

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ЗЛОБУ ДНЯ

СТАТЬИ В «КОМСОМОЛЬСКОЙ ПРАВДЕ»

Санкт-Петербург
2015

СНОВА ПСЫ-РЫЦАРИ ИДУТ НА РУСЬ (О споре западников и славянофилов)¹

Танки США были выгружены в Эстонии, движутся к Чудскому озеру. История повторяется.

Агрессия Запада на Украине и последовавшие за ней атаки на Россию вновь сделали актуальным старый спор о сущности Отечества: кто мы, европейцы или азиаты? С кем дружить, с кем торговать, куда тянуть газопроводы? Ведь будущее — проекция прошлого, и вряд ли можно добиться успехов, противореча собственному «я», своей сущности, сформированной в толще исторического развития.

В этой связи интересно обратиться к давнему спору двух выдающихся мыслителей XX века — Дмитрия Лихачева и Льва Гумилева. Оба еще при жизни стали знаковыми фигурами для нашей интеллигенции, причем «полярной» знаковости. Если Л. Н. Гумилев был, по его собственному определению, «последним евразийцем», то имя Д. С. Лихачева устойчиво ассоциируется с новейшим отечественным «западничеством».

Сегодня их дискуссия даже намного актуальнее, чем знаменитый спор между славянофилами и западниками. Аналогии последнего можно найти во многих культурах, например

¹ Комсомольская правда. 2015. 17 марта.

в корейской (полемика между философскими направлениями «юсэн» и «кэхва»). Евразийство же — сугубо отечественный феномен. Россия во многом уникальна по масштабу, диалектике многонационального взаимодействия и сложности исторических коллизий своего становления. К примеру, что больше повлияло на формирование российского суперэтнуса: ось «Восток–Запад» или «Север–Юг»?

Гумилев был убежден в восточном (ордынском) генезисе русской культуры и государственности: «Государи московские положили начало процессу собирания русских земель вокруг Москвы, руководствуясь новыми, заимствованными у монголов и дотоле на Руси не известными принципами устройства власти: веротерпимостью, верностью обязательствам, опорой на служивое сословие».

По его мнению, традиции союза со Степью оказались жизнеспособны и плодотворны, именно они материализовались в политической практике Московского государства XVI–XVII веков, когда вся бывшая территория Золотой Орды вошла в состав Русского государства. Монголы, буряты, татары, казахи столетиями пополняли ряды русских войск и бок о бок с русскими защищали свое общее Отечество, которое с XV века стало называться Россией.

Роль же Западной Европы в российской истории представлялась Л. Н. Гумилеву большей частью деструктивной: «Русь, вернее та ее северо-восточная часть, которая вошла в состав улуса Монгольского, оказалась спасена от католической экспансии, сохранила и культуру, и этническое своеобразие. Иной была судьба юго-западной Червонной Руси. Попав под власть Литвы, а затем и католической Речи Посполитой, она потеряла все: и культуру, и политическую независимость, и право на уважение».

Лихачев, напротив, был убежден, что сущностные черты Руси сформировались, образно говоря, «на пути из варяг в греки»: из Скандинавии пришли Рюриковичи и система государственного устройства, из Византии — религия. И не менее категорично, чем Гумилев, отстаивал свою позицию. «Сейчас в моду вошла идея так называемого евразийства, — писал

Д. С. Лихачев. — Ущемленная в своем национальном чувстве часть русских мыслителей и эмигрантов соблазнилась легким решением сложных и трагических вопросов русской истории, провозгласив Россию особым организмом, особой территорией, ориентированной главным образом на Восток, на Азию, а не на Запад».

«Отсюда, — отмечал Дмитрий Сергеевич, — был сделан вывод, будто европейские законы не для России писаны, и западные нормы и ценности для нее вовсе не годятся. На самом же деле Россия — это никакая не Евразия. Россия — несомненная Европа по религии и культуре».

Дмитрий Лихачев писал, что Россия по своей культуре отличается от стран Запада не больше, чем все они различаются между собой: Англия от Франции или Голландия от Швейцарии. «В Европе много культур», — говорил он. При этом утверждал, что европейская культура простирается до Владивостока.

И Гумилев, и Лихачев блестяще аргументировали свои во многом противоположные позиции. При этом в их теориях можно отметить и определенный «симфонизм». Например, оба подвергают решительной ревизии традиционные представления о специфике XIII–XV веков в отечественной истории. Отрицают миф о том, что царствование Петра явилось поворотным пунктом в истории России. Оба говорят об отечественном историческом процессе как о целостном и поступательном, лишенном «революционных метаморфоз» и «чудесных преобразований» России из азиатской в европейскую (или наоборот!) страну.

Между тем суть несогласия между Лихачевым и Гумилевым определяется совсем не отбором и трактовкой исторических фактов при построении своих концепций: Лихачев решал проблему отношения России к Европе культурологически, тогда как Гумилев подходил к ней с точки зрения этногенеза.

Для Гумилева вся специфика отношений России и с Западом, и с Востоком раскрывается как частный случай общего закона исторического бытия этноса с момента его рождения

до заката и гибели. Ученый пишет: «Сама идея “отсталости” или “дикости” может возникнуть только при использовании синхронистической шкалы времени, когда этносы, имеющие на самом деле различные возрасты, сравниваются, как будто они сверстники».

Но это, по мнению Льва Николаевича, столь же бессмысленно, как сопоставлять между собой в один момент профессора, студента и школьника. Да еще по произвольно выбранному признаку: «то ли по степени эрудиции, то ли по физической силе, то ли по количеству волос на голове, то ли, наконец, по результативности игры в бабки».

Цивилизованные ныне европейцы стары (как этнос) и потому чванливы, гордятся накопленной веками культурой, как и все этносы в старости. Но в своей этнической молодости «они были дикими франками и норманнами, научившимися богословию и мытью в бане у культурных в то время мавров».

С точки зрения Гумилева подлинной проблемой для России являются не контакты с Западом сами по себе, а то, в каком состоянии, с точки зрения стадии этногенеза, Россия на эти контакты выходит. Именно поэтому Лев Николаевич критиковал горбачевскую концепцию общечеловеческих ценностей — как «наивную, но не безобидную».

Ясное понимание стадии этногенеза в конкретный момент исторического бытия народа может, по мнению Л. Н. Гумилева, позволить прозорливому политику выстроить мудрую линию поведения даже в безнадежной, казалось бы, ситуации.

Примером здесь может быть гениальный выбор Александра Невского, оказавшегося перед тяжелейшей дилеммой: с кем быть — с Ордой против Запада или наоборот? У Александра Невского не было оснований любить Орду. Напротив, именно ордынцы, поверив наветам, отравили его отца. Но Запад — Тевтонский орден — для русских представлял значительно большую опасность. Монголы были вполне веротерпимы — религиозно толерантны, как сейчас принято говорить, а рыцари ордена — нет. Это рыцари Четвертого крестового похода со зверскими бесчинствами разграбили христианский Константинополь в 1204 году, оправдывая содеянное тем, что

«православные — такие еретики, что от них самого Бога тошнит». С тевтонцами можно было разговаривать только языком Ледового побоища.

Много лет занимаясь изучением творчества академика Д. С. Лихачева, я в целом разделяю его позиции относительно характера отечественной культуры, считаю ее великой и самоценной ветвью европейской культуры наряду с западноевропейской. При этом не могу отрицать и реальный смысл гумилевского евразийства: культурного выбора (в смысле магистрального направления развития) у России нет, а политический — есть. И в настоящее время он скорее в пользу Китая, нежели Запада.

Сегодня многие у нас полагают размолвку России с Западом делом кратковременным. Однако начинают просачиваться сведения о том, что к планированию сегодняшних санкций США приступили более 6 лет назад, еще до прихода Обамы к власти. Мы имеем дело с долговременным трендом: снова псы-рыцари идут на Русь. История повторяется...